

Лицо Цзинь Чжи было залито слезами и соплями, он выглядел жалко.

Он поднял голову и, глядя на Цзинь Жуя, заплакал:

— Брат, брат, умоляю, пощади меня. Я больше не буду, я понял, что был неправ. Брат, умоляю, пожалуйста.

Цзинь Жуй смотрел на его испуганное лицо, оставаясь бесстрастным.

Этого было недостаточно. Даже если он изрежет этих людей на тысячу кусков, это не уменьшит его боли ни на йоту.

Их страдания — разве они могут сравниться с его болью?

Нет, не могут. Потому что они не знают, каково это — потерять того, кто важнее собственной жизни.

Это боль, которая делает каждый вдох мучительным, а каждую секунду жизни — пыткой.

Желание умереть, но невозможность сделать это — кто поймёт это чувство?

И всё это — благодаря этим двум людям. Хотя он и сам знал, что без них ничего бы не случилось.

Его маленький Чжуанэр не ушёл бы от него, не...

При мысли о том человеке лицо Цзинь Жуя стало ещё более каменным.

Он схватил Цзинь Чжи за рот, засунул туда мясо, затем сжал ему челюсти и удерживал их.

Цзинь Чжи не мог выплюнуть мясо, чувствуя вкус крови во рту, его желудок начал судорожно сжиматься.

Цзинь Жуй наблюдал, как лицо Цзинь Чжи искажается от боли, пока оно не стало бледным и синим, и только тогда отпустил его.

Цзинь Чжи тут же выплюнул мясо, и его тело начало биться в конвульсиях.

Цзинь Жуй даже не взглянул на него, повернувшись к Цзинь Сы.

Цзинь Сы, наблюдавший за происходящим, тоже почувствовал тошноту. Мысль о том, что его мясо едят, вызывала отвращение.

Ранка, где Цзинь Жуй срезал мясо, снова начала болеть.

Цзинь Жуй подошёл к Цзинь Сы и спросил:

— Ты тоже хочешь мяса?

Цзинь Сы скрежетал зубами:

— Если ты мужик, убей меня!

Цзинь Жуй молчал.

Цзинь Сы продолжал:

— Ты не убиваешь меня, значит, ты не мужик. Ты думаешь, что победил? Ха, когда он умер, ты ведь был рядом? Я слышал, что его выстрелили в сердце, крови было много, очень много. Ха-ха-ха... Цзинь Жуй, ты так старался защитить его, но не смог. Он умер, умер!

Цзинь Жуй резко отрезал ладонь Цзинь Сы. Тот закричал от боли, начал закатывать глаза, его тело дёргалось. Цзинь Жуй поднял отрезанную руку, засунул её в рот Цзинь Сы и прошептал:

— Ты прав, я не победил, я проиграл. Проиграл полностью, потерял всё. Поэтому...

Он улыбнулся странной улыбкой, от которой Цзинь Сы затрясся ещё сильнее.

— Я заставлю всех заплатить за него.

Конечно, включая себя самого.

После того как Хэ Дачжуан почувствовал себя лучше, он смог немного двигаться.

Но максимум, что он мог сделать, — это пошевелиться в постели.

Иногда боль в груди становилась настолько сильной, что его тело начинало биться в конвульсиях, и каждый вдох давался с трудом, словно он был рыбой, выброшенной на берег.

Старейшина Юань каждый день приходил делать ему иглокалывание, чтобы помочь восстановить здоровье. Он сказал, что, когда Хэ Дачжуан поправится, процедуры можно будет делать раз в три дня, а затем раз в неделю.

Но чтобы перейти на недельный режим, потребуется около года.

Иглокалывание было не из приятных. Неизвестно, виной ли были сами иглы или места, куда их вводили, но каждый раз Хэ Дачжуан чувствовал себя ужасно.

Однако, видя красные глаза мамы и папы Хэ, он стискивал зубы и терпел.

Спустя некоторое время его состояние начало улучшаться.

Но каждый раз, когда мама Хэ приносила ему чашку чёрного лекарства, он чувствовал, как боль в груди возвращается.

Старейшина Юань был врачом традиционной китайской медицины, поэтому его лекарства были невероятно горькими.

Он говорил, что хорошее лекарство всегда горькое, и только через страдания можно достичь долголетия.

Чтобы не беспокоить маму и папу, он каждый день пил это лекарство. Сначала его каждый раз рвало, но теперь, хотя желудок всё ещё болел, по крайней мере, рвота прекратилась.

Старейшина Юань также прописал ему лекарственные ванны, которые нужно было принимать раз в три дня. Трудно описать, насколько отвратительно они пахли.

Во время одного из сеансов иглокалывания Старейшина Юань заметил шрам на животе Хэ Дачжуана.

Он провёл тщательный осмотр, который занял полчаса, и обнаружил, что организм Хэ Дачжуана отличается от обычного.

Он поговорил с мамой Хэ о проблеме фертильности Хэ Дачжуана.

Сейчас его тело было слишком слабым, и если заблокировать возможность зачатия, он больше никогда не сможет иметь детей.

Но если сделать это сейчас, это может навредить его здоровью. Раньше, когда Хэ Дачжуан был здоров, это не было бы проблемой, но сейчас его организм слишком слаб.

Мама Хэ, в конечном итоге, решила не блокировать его фертильность, чтобы не подвергать его здоровью риску. Ведь теперь он и Цзинь Жуй больше не вместе, и такая проблема не возникнет.

Старейшина Юань не спрашивал о прошлом Хэ Дачжуана, и мама Хэ тоже не рассказывала.

Семья Старейшины Юаня погибла семь лет назад, и с тех пор он жил в посёлке С, ведя уединённый образ жизни.

Только после того, как папа Хэ и мама Хэ умоляли его на коленях, и он увидел, что Хэ Дачжуан похож на его умершего сына, он согласился помочь.

Папа Хэ и мама Хэ были глубоко благодарны Старейшине Юаню за спасение сына. Узнав о его ситуации, мама Хэ часто разговаривала с ним.

Хотя Старейшина Юань делал вид, что не хочет слушать, он всегда выслушивал её, а затем, сделав презрительное лицо, уходил.

Но со временем они стали ближе, и из незнакомцев превратились в семью...

Малыш Но-Но провёл в главной резиденции семьи Цзинь уже много времени. Он почти забыл о своей жизни в доме Цзинь и о тех людях.

Каждый день он только ел и спал, с ним никто не играл.

Когда он плакал, его никто не утешал, когда он капризничал, никто не обращал на него внимания.

Старый господин Цзинь приказал, чтобы никто не приближался к нему.

Поэтому, будь то слуги или няни, все относились к нему с безразличием.

Маленький господин? Да он хуже слуги.

Малыш Но-Но не понимал, почему все его игнорируют. Он протягивал руки, чтобы его обняли, но никто не реагировал. Постепенно он понял, что он здесь нежеланный гость, и больше не получал ласки и внимания.

Поэтому он перестал плакать и капризничать, просто покорно ждал, пока его накормят.

Все вокруг исчезли, но остался один знакомый человек.

Хотя этот папа был не самым лучшим, появляясь только ночью, Малыш Но-Но знал, что он единственный, кто по-настоящему заботился о нём.

А в этом доме самым неприятным для него был «старый господин».

Каждый раз, когда «старый господин» видел его, он смотрел с отвращением и приказывал слугам увести его подальше.

Со временем Малыш Но-Но понял, что при встрече со «старым господином» нужно вести себя ещё тише.

Когда папы не было рядом, единственным, кто относился к нему хорошо, был дедушка Гоу.

<http://bllate.org/book/16150/1448165>